

Развитіе легенды о смерти царевича Дмитрія.

В в е д е н і е.

При изученіи смутнаго періода — этой больной, уродливой, но весьма важной въ общемъ ходѣ Русской исторіи эпохи — необходимо такъ или иначе рѣшить вопросъ о кончинѣ царевича Дмитрія. Обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, оставить его безъ отвѣта значило бы закрыть глаза на весьма характерный, весьма существенный эпизодъ Смутной эпохи. И вотъ передъ умомъ историка неизбежно всплываетъ старая и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда новая, серьезная дилемма: самъ ли закололся царевичъ или же онъ убитъ злодѣями? Къ величайшему, конечно, сожалѣнію безпристрастная, строго-научная исторія не дала намъ опредѣленнаго, положительнаго, безапелляціоннаго рѣшенія этой дилеммы. Правда, большинство историковъ старалось доказать фактъ убіенія царевича Дмитрія и данное ими научное обоснованіе такого мнѣнія долго господствовало въ исторической литературѣ. За послѣднее же время такой взглядъ на кончину царевича сталъ постепенно терять свою прежнюю силу, свою вѣсность и свое авторитетное значеніе въ исторіи. На смѣну ему нарождается и крѣпнетъ новый взглядъ, новое представленіе объ Углицкой кровавой трагедіи. Историки начинаютъ доказывать фактъ самоубійства царевича, и надо отдать имъ справедливость, что къ разрѣшенію намѣченной цѣли они идутъ довольно успѣшно. Хотя это новаторство въ исторіи, какъ и вообще-то всякая новая идея, новая мысль, прививается съ большимъ трудомъ, съ напряженнымъ усиліемъ завоевываетъ себѣ мѣсто въ наукѣ, но все-таки

оно уже значительно пошатнуло старый, дотолѣ существовавшій, взглядъ на дѣло. Новое научное мнѣніе, подобно пилѣ, правда пока еще не особенно острой, начинаетъ подпиливать долголѣтній, прочный стволъ старой теоріи. Чтобы окончательно рухнуло это устарѣлое дерево, надо стараться заострить пилу, насколько возможно усовершенствовать это орудіе, а для этой цѣли необходимо какъ можно подробнѣе, внимательнѣе и серьезнѣе остановиться на изслѣдованіи, на изученіи тѣхъ путей, которые ведутъ къ утверженію новаго мнѣнія — къ факту самоубійства царевича Дмитрія.

На основаніи имѣющихся историческихъ данныхъ изслѣдователю въ этой области представляется два косвенныхъ пути, именно: изученіе слѣдственнаго дѣла съ одной стороны и критическій анализъ легенды о смерти царевича—съ другой. Первый путь—установленіе подлинности слѣдственнаго дѣла и надлежащіе отсюда выводы сдѣланы Е. Бѣловымъ ¹⁾.

Онъ настойчиво утверждаетъ фактъ самоубійства царевича Дмитрія, и надо замѣтить, что это его теорія, защищаемая также Погодинымъ, начинаетъ завоевывать себѣ видное мѣсто въ наукѣ. Она не только не пошатнулась, но, мнѣ кажется, даже еще болѣе окрѣпла послѣ недавняго появленія въ печати работы И. С. Бѣляева ²⁾, который не совсѣмъ удачно, не совсѣмъ основательно пытается доказать подлогъ слѣдственнаго дѣла. Не вдаваясь въ подробную критику этой работы и оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ слѣдственное дѣло, я постараюсь использовать второй путь, т. е. изученіе легенды. Моей задачей будетъ развернуть эволюцію легенды о царевичѣ Дмитріи, прослѣдить самый ходъ, самый процессъ ея развитія, наложить на все это критическій штампъ и на основаніи этого сдѣлать соответствующіе выводы и заключенія. Если мнѣ удастся справиться съ этой задачей, то въ рукахъ исторіи будетъ новый, сильный аргументъ въ пользу новаго разрѣшенія вопроса о кончинѣ царевича Дмитрія. Фактъ самоубійства царевича станетъ для насъ болѣе очевиднымъ, и такимъ образомъ молодая историческая теорія получитъ новое подкрѣпленіе, хотя и отрицательнымъ путемъ — путемъ разрушенія того краеугольнаго камня, на которомъ основывается старый взглядъ о убіеніи царевича Дмитрія.

Указавъ важность изслѣдованія легенды о смерти царевича,

¹⁾ Журн. Министр. Народн. Просв. 1873 г. іюль и августъ, 7 и 8 кн.

²⁾ Слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія въ Угличѣ 15 мая 1591 г. И. С. Бѣляевъ.

познакомимся сначала съ ея содержаніемъ, тщательно прослѣдимъ всѣ фазисы ея развитія, остановимъ свое вниманіе на всѣхъ, пройденныхъ ею, этапахъ, а потомъ уже сдѣлаемъ критическую оцѣнку легенды въ ея цѣломъ. Необходимо заранѣе замѣтить, что въ своемъ поступательномъ развитіи легенда имѣетъ четыре главныхъ фазиса, характернымъ выраженіемъ которыхъ можно считать слѣдующіе историческіе памятники:

1) Такъ называемое „Иное сказаніе“, которое является первымъ фазисомъ въ эволюціи легенды ¹⁾.

2) „Житіе царевича Дмитрія“, внесенное въ минеи Германа Тулупова, и „Житіе царевича“, внесенное въ минеи Іоанна Милютина— это второй фазисъ ²⁾.

3) „Новый лѣтописецъ“ или „Лѣтопись о мятежахъ“— третій ³⁾ и

4) наконецъ— „Сказаніе о царствѣ царя Ѳедора Іоанновича“— четвертый и послѣдній фазисъ, въ которомъ легенда получила свое завершеніе, свой законченный, вполне сформировавшийся и, если можно такъ выразиться, вполне отшлифованный видъ ⁴⁾.

Придерживаясь въ своемъ изложеніи порядка, соответствующаго самому ходу развитія легенды ⁵⁾, начнемъ съ знакомства и разбора свидѣтельства „Иного сказанія“ о кончинѣ царевича.

Г л а в а I.

Такъ называемое „Иное сказаніе“ 1606 года является первымъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ историческихъ памятниковъ, въ которыхъ содержится рассказъ объ убіеніи царевича Дмитрія. Это сказаніе, конечно, лишь въ относительномъ смыслѣ можно считать первоначальнымъ ядромъ, исходнымъ моментомъ въ развитіи легенды о смерти царевича. Всѣ остальные памятники оперируютъ уже съ готовой фавулой, съ готовымъ сюжетомъ, мѣняя лишь

¹⁾ Оно относится къ 1606 г. Древнерусск. сказанія и повѣсти о см. вр. Платоновъ, стр. 40.

²⁾ Первое относится къ 1607 г. Древнерусск. ск. и пов. о см. вр. Платоновъ, стр. 40, а второе къ половинѣ XVII вѣка, *ibid.* стр. 252.

³⁾ Написано въ 1630 г., *ibid.* стр. 252.

⁴⁾ Относится къ концу XVII вѣка, *ibid.* стр. 332, пр. I.

⁵⁾ „Житіе царевича“, внесенное въ минеи I, Милютина, я отношу ко второму фазису, несмотря на то, что оно появилось позже „Новаго лѣтописца“. Достаточнымъ основаніемъ для этого служитъ установившійся въ наукѣ взглядъ на жит., ви. въ мин. Милют., какъ на третью редакцію житія, ви. въ мин. Г. Тулупова (1607 г.), а потому ихъ необходимо разбирать вмѣстѣ. Древн. Рус. сказ. Платоновъ, стр. 283.

краски, тоны и штрихи въ изображеніи этой основной идеи, этого основного сюжета. Разсказъ „Иного сказанія“ въ краткой формѣ можно передать такъ: „Властолюбивый Борисъ, пользуясь своимъ родствомъ съ Государемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ, забралъ въ свои руки широкую власть и сначала злоупотреблялъ ею по отношенію къ господѣмъ, князьямъ и боярамъ, которыхъ онъ притѣснялъ, ссылалъ на заточеніе въ дальніе города, имущества ихъ отдавалъ на расхищеніе, а многихъ даже приказывалъ лишать жизни. Проявленіе его врожденной страсти къ властолюбію на этомъ не остановилось. Борисъ, уподобляясь Іудѣ Искаріотскому, предавшему Іисуса Христа, сына Божія, возстаетъ на Государя своего, царевича Дмитрія, который былъ отогнанъ въ градъ Угличъ. Желая достигнуть царской власти, онъ всячески старается устранить главную преграду на этомъ пути—богоизбраннаго наслѣдника престола. Осуществляя заранѣе намѣченную цѣль, Борисъ на первыхъ порахъ прибѣгаетъ къ смертоносному яду, который долженъ былъ нанести царевичу смерть. Послѣдній принималъ это зелье съ радостію, такъ какъ хорошо зналъ, что сила вражія ничего не можетъ сдѣлать противъ силы Божіей. Такимъ образомъ это средство не приводитъ къ желательнымъ результатамъ. Самъ Богъ хранитъ царственнаго отрока. Но Борисъ не смущается этимъ и прибѣгаетъ къ болѣе надежному средству,—къ убіенію царевича. Для выполненія этой цѣли онъ посылаетъ въ Угличъ своихъ злосовѣтниковъ и рачителей—Михаила Битяговскаго и Никиту Качалова, которые должны „младенца незлобива смерти предати и, яко агнца, заклати“. И вотъ, однажды, когда „царевичъ по обычаю вышелъ на играніе, нечестивые юноши, какъ волки немилостивые, напали на него, а одинъ изъ нихъ извлекъ ножъ, ударилъ имъ по выи и прерѣза ему гортань. Совершивъ это злодѣяніе, убійцы въ тотъ же день получили должное отмщеніе — они были убиты угличанами. А страдальческое тѣло царевича погребено было во градѣ Угличѣ, въ церкви Преображенія Господа Нашего Іисуса Христа. И воля Господня буди во всемъ“¹⁾. Такъ заканчиваетъ свой разсказъ авторъ „Иного сказанія“.

Переходя къ разбору перваго фазиса въ развитіи легенды о смерти царевича Дмитрія, надо напередъ оговориться, что въ данномъ случаѣ не придется пользоваться главнымъ орудіемъ — сравнительно критическимъ методомъ. У насъ пока имѣется одинъ только разсказъ о смерти царевича, а потому съ чѣмъ же мы будемъ его сравнивать, съ чѣмъ будемъ сопоставлять, какъ будемъ

¹⁾ Русск. Истор. Библіот. XIII т. Иное сказаніе, стр. 3—10.

прикладывать свой сравнительно-критическій масштабъ. Отсюда ясно, что по отношенію къ первому фазису приходится ограничиться однѣми лишь критическими замѣтками на основаніи здраваго смысла. Разсказъ „Иного сказанія“ производитъ впечатлѣніе искусственнаго, заказнаго произведенія. Авторъ, какъ видно изъ самаго повѣствованія, не былъ очевидцемъ Углицкой трагедіи, а передавалъ это въ высшей степени важное событіе со словъ другихъ. Узнавъ сущность дѣла, получивъ такимъ образомъ необходимый сюжетъ, онъ не заботится о передачѣ этого событія съ подробностями, со всѣми деталями... Его, повидимому, это мало интересуетъ. Онъ больше обращаетъ вниманія на форму, на ту оболочку, въ которую надо облечь полученный имъ со стороны сюжетъ. И въ этомъ отношеніи, становясь на точку зрѣнія того времени, онъ достигаетъ цѣли. Павось, которымъ проникнуть весь разсказъ, божественная, если можно такъ выразиться, подкладка его повѣсти затушевываетъ отсутствіе деталей въ описываемомъ событіи. Эта искусственность, эта работа какъ бы по заказу, естественно, наводитъ на мысль о легендарности, о недостоверности разбираемаго нами разсказа. Подкрѣпленіемъ такого соображенія служитъ также и не совсѣмъ правдоподобное изображеніе самаго факта злодѣянія, совершеннаго Борисомъ. Въ немъ тоже есть слабые швы, есть мѣста, скрѣпленные на живую нитку. Борисъ, говоритъ авторъ разсказа, прибѣгаетъ сначала къ смертоносному яду, а царевичъ, хотя и зналъ объ этомъ, но съ радостію кушалъ, надѣясь на Бога. Мнѣ кажется, что здѣсь очевидна баснословность, вымысленность разсказа. Не могло же на самомъ дѣлѣ все это обстоять такъ просто, такъ обыденно-буднично, какъ представляетъ намъ авторъ „Иного сказанія“. Мнѣ подносятся ядъ, и я, зная это отлично, съ радостію пью его. Всякій скажетъ, что это, по меньшей мѣрѣ, странно и далеко неправдоподобно.

Неправдоподобность разсказа сквозитъ также и въ томъ, что авторъ его о козняхъ Бориса говоритъ какъ о чемъ-то общеизвѣстномъ, несомнѣнномъ, не требующемъ доказательствъ. Онъ не старается обставить передаваемый имъ, полный глубокой важности, фактъ необходимыми подробностями, считая это какъ бы лишнимъ, ненужнымъ для вѣскости своего произведенія. Да неужели Борисъ, если ужъ отнести на его счетъ это злодѣяніе, дѣйствовалъ такъ открыто, не прибѣгалъ ни къ какой конспираціи и чуть ли не публично приводилъ въ исполненіе свой коварный замыселъ. Средства, которыя онъ пускаетъ въ ходъ, извѣстны чуть ли не всѣмъ. Но вѣдь противъ такого образа дѣйствій говорятъ недюжинный умъ и скрытый характеръ Бориса. Неужели же отъ такого произ-

веденія не вѣдетъ сказочнымъ элементомъ, неужели все это можно считать правдоподобнымъ? Очевидно, что разсказъ „Иного сказанія“ со стороны передачи самаго событія возбуждаетъ большія сомнѣнія въ своей достовѣрности. Если ко всему сказанному прибавимъ, что разбираемый нами разсказъ написанъ спустя 15 лѣтъ послѣ Углицкой трагедіи, то наше представленіе объ искусственности, о заказности этого произведенія получаетъ большую силу. Создается такое представленіе—будто бы въ теченіе 15 лѣтъ или некому было написать объ этомъ событіи или же въ этомъ не было особенной нужды. Допустить первое можно съ весьма большой натяжкой. По всей вѣроятности, памятники были, но до насъ не дошли. Утверждать второе, т. е. что не было нужды въ разсказѣ о кровавомъ Углицкомъ дѣлѣ, тоже было бы, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, если оставить въ сторонѣ тогдашніе споры и раздоры изъ-за царскаго престола. Послѣдніе даютъ намъ возможность допускать мысль, что произведенія могли фабриковаться по заказу, въ силу возникшей необходимости поддержать ту или другую партію. Изъ сличенія грамотъ, написанныхъ при Шуйскомъ съ „Инымъ сказаніемъ“, можно утверждать, что послѣднее есть одно изъ тѣхъ произведеній, которыя написаны въ угоду извѣстной политической партіи, въ пользу ея политическихъ плановъ и стремленій. Вѣдь въ это время началъ царствовать Василій Ивановичъ Шуйскій, который прочную основу, прочный фундаментъ для своей царской власти видѣлъ въ мощахъ царевича Дмитрія. На этомъ можно закончить критическія замѣтки о первомъ фазисѣ въ развитіи легенды о смерти царевича. Необходимо замѣтить, что при разборѣ „Иного сказанія“ пришлось витать въ области догадокъ и предположеній, такъ какъ главной точкой отправленія былъ исключительно здравый смыслъ. Переходя теперь къ послѣдующимъ фазисамъ эволюціи легенды, мы постепенно будемъ становиться на болѣе и болѣе твердый путь, потому что, сравнивая послѣдующіе разсказы съ первымъ и между собою, мы будемъ имѣть возможность пользоваться сравнительно-критическимъ методомъ, на основаніи котораго можно дѣлать уже болѣе или менѣе опредѣленные выводы.

Г л а в а II.

Вторымъ этапомъ въ развитіи легенды, какъ я уже выше сказалъ, можно считать „Житіе царевича Дмитрія“, внесенное въ Миней Германа Тулупова, и „Житіе царевича“, внесенное въ Миней Іоанна Милютіна.

Что касается перваго произведенія, то оно представляет не что иное, какъ сколокъ съ разсказа „Иного сказанія“. Разница состоитъ лишь въ томъ, что въ числѣ убійць царевича здѣсь фигурируетъ не Михайло, а Данила Битяговскій. Во всемъ остальномъ, если не принимать во вниманіе нѣкоторой перетасовки тѣхъ же данныхъ, „Житіе царевича“ въ Минеяхъ Тулупова не даетъ намъ ничего новаго. Поэтому я не буду останавливаться на немъ, а прямо перейду къ изслѣдованію другого источника, относящагося ко второму фазису развитія легенды, т. е. къ изслѣдованію „Житія царевича Дмитрія“, внесеннаго въ Минеи Іоанна Милютина.

Содержаніе этого памятника вкратцѣ можно передать слѣдующимъ образомъ: „Намѣреваясь погубить царевича Дмитрія, Борисъ устраиваетъ совѣтъ, въ которомъ принимаютъ участіе Михайло Битяговскій, сынъ его Данилка, Никита Качаловъ и боярыня Василиса Волохова. Сначала было рѣшено отравить царевича, но это средство не приводитъ къ намѣченной цѣли. Тогда Борисъ прибѣгаетъ къ самой крайней и радикальной мѣрѣ—къ убійству царевича. Чтобы дать возможность удобнѣе выполнить это рѣшеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ скрыть всѣ слѣды злодѣянія, онъ отрѣзываетъ всякое сообщеніе между Угличемъ и Москвой, для чего была поставлена стража, которая никого не должна была пропускать ни въ ту, ни въ другую сторону. А въ Угличѣ тѣмъ временемъ злодѣи совершаютъ кровавое дѣло. Василиса Волохова заставляетъ кормилицу вывести царевича на играніе, а тамъ посреди двора на него нападаютъ злодѣи и одинъ изъ нихъ перерѣзываетъ ему гортань. На мѣсто происшествія является мать царевича, Царица Марія Θεодоровна, которая начинаетъ плакать, бить себя въ перси и испускать горестные глаголы. Въ то время стали звонить въ колокола, благодаря чему собралось множество гражданъ, которые долго горевали и плакали. „И бысть во градѣ Угличѣ вопль и плачь и рыданіе велико зело“. Убійцы, совершивъ злодѣяніе, разбѣжались, но были схвачены и убиты. Извѣщенный обо всемъ этомъ, Борисъ приказалъ донести царю Θεодору Іоанновичу, что царевичъ самъ заклался въ играніи дѣтскомъ. Узнавъ о такомъ несчастіи, Θεодоръ Іоанновичъ былъ весьма опечаленъ, долго плакалъ и хотѣлъ самъ пойти ко граду Угличу. Какъ разъ въ то время, по обычаю торжества дня Пятидесятнаго, ему случилось быть въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Чтобы отклонить Царя Θεодора отъ поѣздки въ Угличъ, Борисъ дѣлаетъ большой пожаръ въ Москвѣ, чѣмъ и отвлекаетъ его вниманіе отъ Углича. Всѣмъ же пострадавшимъ отъ пожара Борисъ выдаетъ большія пособія и вознагражденія. Обманутый Царь посылаетъ въ Угличъ своего вѣр-

наго боярина Василя Ивановича Шуйскаго и приказываетъ Борису избрать нѣсколько другихъ бояръ, а также священниковъ, которые должны совершить по чину погребеніе царевича. Годуновъ избираетъ Андрея Клешина и другихъ сочувствовавшихъ ему бояръ, которымъ обѣщаетъ и почести и славу. Когда эти лица прибыли въ Угличъ, то увидѣли закланнаго царевича. На допросы Клешина о томъ, какимъ образомъ зарѣзанъ царевичъ, граждане говорили истину, т. е. что царевичъ убитъ. Василій Ивановичъ Шуйскій, боясь Годунова, ничего не говорилъ, а токмо горько плакалъ. Послѣ такого, почти единоличнаго дознанія Андрея Клешина, царевичъ былъ погребенъ въ церкви Преображенія Господня ¹⁾.

Не надо особеннаго напряженія мысли, чтобы замѣтить значительную разницу въ изображеніи одного и того же событія только что приведеннаго произведенія и разсказа „Иного сказанія“. Зерно легенды о смерти царевича Дмитрія пустило уже значительное количество ростковъ. Набросанный въ сказаніи 1606 года эскизъ Углицкой трагедіи, въ минеяхъ Милютина, получаетъ много новыхъ штриховъ и картина становится болѣе близкой къ своему законченному виду. Чрезвычайно интересно прослѣдить это разростаніе первоначально сжатаго разсказа. Любопытно развернуть самый процессъ этихъ наслоеній, въ возникновеніи которыхъ можно замѣтить силу закона послѣдовательности. Вотъ здѣсь-то можно во всей широтѣ примѣнить сравнительно-критическій методъ.

Прежде всего намъ бросаются въ глаза новыя дѣйствующія лица въ числѣ злодѣевъ: Данило Битяговскій и Василиса Волохова. Не даромъ выведены новые участники—по крайней мѣрѣ, послѣдняя. Въ разсказѣ „Иного сказанія“ былъ сдѣланъ большой пробѣлъ, когда не было упомянуто ни объ одной женщинѣ, которая находилась при царевичѣ и безъ содѣйствія которыхъ трудно было совершить преступленіе. И вотъ этотъ пробѣлъ перваго фазиса развитія легенды восполняется во второмъ. Въ появленіи на сценѣ кровавой Углицкой трагедіи Василисы Волоховой можно видѣть возникшій съ естественною послѣдовательностью ростокъ отъ кореннаго зерна, необходимый штрихъ для пополненія картины.

Пойдемъ дальше. Въ высшей степени страннымъ кажется въ первоначальномъ разсказѣ о кончинѣ царевича то обстоятельство, что путь отъ Углича къ Москвѣ остается открытымъ. Вѣдь при такомъ условіи кто-либо изъ гражданъ Углича могъ донести царю всю правду о несчастномъ происшествіи, могъ раскрыть весь заго-

¹⁾ Русск. Истор. Библ. XIII т. Житіе цар. Дмитрія, внесенное въ минеи I, Милютина, стр. 900—909.

ворь Бориса, такъ что послѣдній не могъ оставить этого безъ надлежащаго вниманія или же въ противномъ случаѣ это не его рукъ дѣло. Авторъ „Житія царевича Дмитрія“, внесеннаго въ миней Милютина, взвѣшиваетъ это соображеніе, заполняетъ недомолвку, вводя въ рассказъ стражу, которая никого не должна пропускать въ Москву. Нѣтъ сомнѣнія, что эта прибавка внесена съ цѣлью сдѣлать рассказъ болѣе правдоподобнымъ, болѣе близкимъ къ реальности.

Свою восполняющую роль разбираемое нами „Житіе царевича“ продолжаетъ и въ томъ случаѣ, когда на сценѣ показывается его мать, царица Марія Ѳеодоровна. Могло ли на самомъ дѣлѣ такое важное событіе пройти мимо матери, совершенно не коснувшись, не затронувъ ея материнскаго чувства. Конечно, нѣтъ. А рассказъ „Иного сказанія“ и словомъ не обмолвился о ней. Зато авторъ разсматриваемаго нами „Житія“ указываетъ на ея плачь, страданія и горестные глаголы. Но не одну мать должно было затронуть это кровавое дѣло. Не могъ вѣдь равнодушно, безразлично отнестись къ такому печальному факту самъ Царь Ѳеодоръ, о которомъ умалчиваетъ „Иное сказаніе“. Разбираемое нами „Житіе царевича“, стремясь къ реальности изображаемой картины, выводитъ на сцену Ѳеодора Іоанновича. Онъ опечаленъ, долго плачетъ и хочетъ самъ поѣхать въ Угличъ, чтобы разслѣдовать дѣло. Здѣсь такимъ образомъ тоже видна восполняющая подробность сравнительно съ „Инымъ сказаніемъ“. Не могли, наконецъ, быть безучастными къ убіенію царевича и жители города Углича. Съ роковою необходимостью долженъ былъ этотъ фактъ такъ или иначе отразиться на душевномъ настроеніи и на внѣшнемъ поведеніи угличанъ. Хотя въ рассказѣ „Иного сказанія“ они убиваютъ злодѣевъ—въ „Житіи царевича“ ихъ активная роль значительно расширяется: они звонятъ въ колокола, бѣжавшихъ убійць они схватываютъ и потомъ уже лишаютъ ихъ жизни. Такимъ образомъ здѣсь введена почти необходимая для натуральной, естественной картины деталь объ энергичномъ участіи угличанъ въ дѣлѣ отмщенія злодѣямъ.

Наиболѣе же нагляднымъ примѣромъ того, что „Житіе царевича“, внесенное въ миней Милютина, является лишь вторымъ фазисомъ въ развитіи легенды, естественнымъ продолженіемъ и восполненіемъ рассказа „Иного сказанія“, можетъ служить подробное описаніе мѣръ, которыя приняты были Борисомъ къ прикрытію злодѣянія. Не сказать ни слова объ этихъ мѣрахъ, какъ это дѣлаетъ „Сказаніе“ 1606 года, это значитъ недостаточно раскрыть замыселъ Бориса, недостаточно ярко нарисовать картину всей организаціи преступнаго дѣла, отчего могла страдать правдоподобность

разказа. Въ „Житіи царевича“ этотъ существенный промахъ заполняется сообщеніемъ о томъ, что Борисъ ухищряется обмануть Царя Θεодора—будто бы царевичъ закололся самъ; жестокимъ способомъ—громаднымъ пожаромъ отвлекаетъ Царя отъ поѣздки въ Угличъ. Благодаря такому прибавленію все кровавое дѣло получаетъ болѣе жизненный характеръ.

Было бы, наконецъ, прямо таки необъяснимымъ со стороны Царя Θεодора оставлять это неожиданное, несчастное событіе безъ всякаго дознанія, безъ всякаго слѣдствія, какъ это представляется въ разказѣ „Иного сказанія“. Такой крупный недочетъ заглаживается въ „Житіи царевича Дмитрія“, внесенномъ въ минеи Милютина. Здѣсь слѣдователями выводятся съ одной стороны—Василій Ивановичъ Шуйскій, посланный Царемъ, а съ другой—Андрей Клешнинъ и еще нѣсколько бояръ, посланныхъ Борисомъ. Эти послѣдніе были подкуплены Годуновымъ и вершили дѣла въ его пользу. Одинъ же Шуйскій, конечно, не могъ сдѣлать въ интересахъ раскрытія истины. Итакъ, здѣсь тоже проглядываетъ стремленіе автора разбираемаго нами „Житія“ представить разказъ о убіеніи царевича Дмитрія наиболѣе полнымъ, наиболѣе соответствующимъ дѣйствительности.

На основаніи только-что произведеннаго сравнительнаго анализа двухъ историческихъ памятниковъ о смерти царевича Дмитрія и на основаніи почти одинаковой передачи ими центрального сюжета, мы приходимъ къ заключенію, что они находятся между собою въ тѣснѣйшей, генетической связи. А это даетъ намъ возможность заключать, что въ „Житіи царевича Дмитрія“ разказъ объ убіеніи царственнаго отрока не есть новый, самостоятельно составленный, а есть лишь второй фазисъ того разказа, который находится въ „Иномъ сказаніи“.

Самъ собою возникаетъ вопросъ: остановился ли на этомъ въ своемъ развитіи разказъ о смерти царевича или же продолжалъ проходить новыя стадіи въ своей эволюціи? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы можемъ только въ томъ случаѣ, когда внимательно проанализируемъ другіе дошедшіе до насъ источники этого рода, а потому перейдемъ къ разбору новаго историческаго памятника по этому вопросу, а именно къ „Лѣтописи о мятежахъ“.

Г л а в а III.

Приступая къ разбору „Лѣтописи о мятежахъ“, познакомимся сначала въ самой краткой формѣ съ содержаніемъ этого памятника, который такъ намъ рисуетъ кровавую Углицкую драму: „Діаволь

вложилъ Борису мысль о восхищеніи самодержавства Россійскаго, а для этого ему необходимо было погубить царевича Дмитрія. И онъ, какъ Святополкъ Окаянный, приводитъ эту дѣвольскую мысль въ исполненіе. Первымъ средствомъ, къ которому прибѣгаетъ Борисъ, является окормленіе зеліемъ. Но когда это не удается, когда узнали, что ядъ не причиняетъ вреда царевичу—Борисъ созываетъ свою братью, своихъ совѣтниковъ—Андрея Клешиина съ товарищами и начинаютъ обсуждать свой коварный замыселъ. Одинъ изъ нихъ, а именно—Григорій Васильевичъ Годуновъ не присталъ къ совѣту и долго и горько плакалъ. На совѣтѣ было рѣшено убить царевича и для этого избраны были: Владимиръ Загрязскій и Никифоръ Чепчуговъ. Но они, будучи людьми богобоязненными, отказались отъ этого кроваваго порученія и за это подверглись многимъ бѣдамъ и напастямъ. Андрей Клешиинъ скоро находитъ палача въ лицѣ Михаила Битяговскаго. Послѣдній, по приказанію Бориса, вмѣстѣ съ мамкинымъ сыномъ Данилкой и съ Никитой Качаловымъ отправляется въ Угличъ вѣдать все. Царица Марія Феодоровна, видя ихъ злоумышленія, стала особенно тщательно оберегать царевича. Несмотря на это, окаянные злодѣи, условившись съ мамкой Марьей Волоховой и съ ея сыномъ Данилкой, 15 мая совершаютъ преступленіе. Когда кормилица, принужденная мамкой, выводила царевича гулять, злодѣи встрѣтили ихъ на крыльцѣ. Данилко Волоховъ спросилъ царевича: „у тебя, Государь, новое ожерелье“. И вотъ въ тотъ моментъ, когда царевичъ поднялъ голову, чтобы показать свое старое ожерелье, Данилка кольнулъ его ножомъ, но не захватилъ гортани, кормилица упала на царевича и стала кричать. Но злодѣи избили ее, отняли царевича и закололи его. Въ то время на дворѣ никого не было. Соборный пономарь сталъ бить въ колокола. Сбѣжались горожане и увидѣли царевича мертва и мать его, лежащу около него, какъ будто бы тоже мертвую. Убійца Михаила Битяговскаго съ женою и съ совѣтниками угличане побиша каменіемъ. А Данилка и Никита отбѣжали было 12 верстъ, но вернулись и смерть достойную пріяша. Всѣхъ участниковъ было убито 12 человекъ. Къ Царю Феодору послали гонца съ извѣстіемъ о убіеніи царевича. Гонецъ былъ приведенъ сначала къ Борису и здѣсь грамота была переписана: вмѣсто убіенія царевича сообщался фактъ о его несчастной гибели, которая случилась во время падучей болѣзни и главной причиной сего горестнаго событія указывалось небреженіе Нагихъ. Для разслѣдованія дѣла Царь Феодоръ послалъ въ Угличъ Василія Ивановича Шуйскаго, Андрея Клешиина и властей. По пріѣздѣ въ Угличъ, Шуйскій долго плакалъ, а потомъ сталъ спрашивать гражданъ о

томъ, какъ закололся царевичъ. На это всѣ единогласно заявили, что онъ погибъ отъ рукъ убійцы Михаила Битяговскаго по повелѣнію Бориса. Вернувшись въ Москву, Шуйскій скрылъ отъ Царя истину. Борисъ приказалъ Нагихъ подвергнуть пыткѣ, чтобы они не говорили правды. Когда же Нагіе не согласились на это, то были разосланы въ дальніе города по темницамъ, а царица Марія Θεодоровна была пострижена въ монахини и отослана въ монастырь. Чтобы совершенно затушить злое дѣло, Борисъ разорилъ весь Угличъ: иныхъ казнилъ, инымъ отрѣзалъ языки, другихъ посадилъ въ темницу, а нѣкоторыхъ сослалъ въ Сибирь. Тѣла же окаянныхъ злодѣевъ онъ приказалъ предать погребенію, а мамкѣ Волоховой и женамъ убійцъ далъ жалованье со вотчинами. Таково содержаніе „Лѣтописи о мятежахъ“.

Сравнивая его съ двумя предшествующими историческими памятниками „Иного сказанія“ и „Житіемъ царевича Дмитрія“, внесеннымъ въ минеи Милютина—мы замѣчаемъ, что закваска во всѣхъ этихъ трехъ произведеніяхъ одна и та же, хотя они существенно различаются другъ отъ друга своеобразнымъ излсженіемъ подробностей кроваваго угличкаго дѣла. Пользуясь сравнительно-критическимъ методомъ, прослѣдимъ тѣ наслоенія, тѣ новые этажи въ рассказѣ о убіеніи царевича Дмитрія, которые содержитъ въ себѣ „Лѣтопись о мятежахъ“.

Прежде всего мы наталкиваемся на новыхъ, дотолѣ намъ неизвѣстныхъ еще, участниковъ коварнаго замысла Бориса. Такъ мы видимъ, что исполненіе кроваваго злодѣянія сначала предлагается Володимиру Загрязскому и Никифору Чепчугову. Откуда взялись эти новыя дѣйствующія лица? Почему о нихъ ни слова не сказано въ уже разобранныхъ нами источникахъ? Нельзя ли въ данномъ случаѣ видѣть пополненіе прежнихъ сказаній, новый ростокъ стараго зернышка? Миѣ кажется, можно и вотъ почему. Весь коварный замыселъ Бориса, судя по прежнимъ сказаніямъ, выполняется почти безъ прецѣдентовъ, совершенно гладко, какъ бы по нотамъ, если не считать неудачу съ отравой. Но вѣдь такое выполненіе, въ которомъ что называется—нѣтъ ни сучка, ни задоринки, въ чистомъ видѣ можно встрѣтить только въ сказкѣ. Роковая же дѣйствительность полна неожиданностей, полна случайныхъ пертурбацій, что и даетъ твердую почву для существованія извѣстнаго закона „гетерогоніи цѣлей“¹⁾, который защищаетъ Вундтъ. Конечно, такихъ тонкихъ соображеній не могло быть въ умѣ тогдашняго писателя, но навѣрняка можно утверждать, что и онъ при-

¹⁾ Вундтъ. Очерки психологіи, стр. 378.

выкъ видѣть шероховатость и случайность въ дѣйствительности. Безъ этихъ элементовъ въ его головѣ не укладывалась реальность. И вотъ онъ осложняетъ задуманное Борисомъ злодѣяніе тѣмъ, что избранные для этой цѣли палачи отказываются, приводятъ этимъ Бориса въ большое смущеніе, въ великое прискорбіе, пока онъ не находитъ новаго убійцу въ лицѣ Михайла Битяговскаго. Такимъ образомъ въ увеличеніи числа дѣйствующихъ лицъ въ „Лѣтописи о мятежахъ“ я склоненъ видѣть наслоеніе, надстройку, вызванную необходимостью, стремленіемъ автора къ большей правдоподобности разсказа о убіеніи царевича Дмитрія.

Этотъ элементъ неожиданныхъ препятствій вводится имъ и въ описаніе дальнѣйшаго выполненія коварнаго замысла Бориса. Убійцамъ не удается сразу покончить съ царевичемъ. Данилка кольнулъ его ножомъ, но не перерѣзалъ гортани. На мгновеніе царевичъ оказывается въ рукахъ кормилицы, которая не хочетъ дать его и начинаетъ кричать. И уже, отстранивъ насильно кормилицу, злодѣи доканчиваютъ начатое преступленіе. Эта новая подробность тоже вѣроятно введена авторомъ для большей реальности для сообщенія описываемому кровавому событію необходимыхъ чертъ дѣйствительности. Поэтому и здѣсь можно видѣть новый штрихъ автора на старомъ эскизѣ.

Осложняется въ „Лѣтописи о мятежахъ“ и самый характеръ дѣйствія преступниковъ. Было бы страннымъ, если бы убійцы напередъ не намѣтили себѣ пути къ укрывательству и не воспользовались бы имъ по совершеніи злодѣянія. Хотя въ „Житіи царевича“, внесенномъ въ мінеи Милютина, и сказано, что преступники разбѣжались и были пойманы, но этого для болѣе правдоподобной картины мало. И вотъ „Лѣтопись о мятежахъ“ восполняетъ этотъ пробѣлъ: по ея разсказу Данилка Битяговскій и Никита Качаловъ убѣгають за 12 верстъ и уже, терзаемые угрызеніями совѣсти, возвращаются назадъ съ цѣлью принять должную мечь. Здѣсь прежде всего звучитъ обычный всѣмъ хорошо извѣстный, сказочный мотивъ, гдѣ убійцы почти всегда сознаются въ преступленіи и несутъ должное наказаніе ¹⁾. Кромѣ того здѣсь видна уже совершенно новая, хотя и невыдержанная до конца, мысль объ организаціи злодѣевъ. У нихъ, вѣроятно, напередъ былъ обдуманъ планъ бѣгства, напередъ былъ намѣченъ путь къ укрывательству, по которому и хотѣли должно быть спасти свою жизнь. Что у автора лѣтописи въ зачаточномъ, конечно, состояніи проводится мысль объ организованной шайкѣ преступниковъ, можно заключить также изъ

¹⁾ Русскія сказки Роговой. Бѣлая уточка, Машенька и др.

того, что число участниковъ въ кровавомъ дѣлѣ у него возрастаетъ сравнительно съ прежними источниками. По „Лѣтописи“ убито было 12 человекъ—а такое порядочное количество даетъ намъ возможность предполагать организацію, такъ какъ въ противномъ случаѣ и нельзя бы было приступать къ такому въ высшей степени рискованному предпріятію.

Детальное, строго послѣдовательное расширеніе прежнихъ сказаній о смерти царевича Дмитрія въ „Лѣтописи о мятежахъ“ идетъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи Углицкой трагедіи. Любопытно отмѣтить, что угличане здѣсь гораздо активнѣе реагируютъ на несчастную кончину царевича. Они посылаютъ къ царю Θεодору гонца съ грамотой, въ которой заключается извѣстіе о случившемся. Они поступаютъ такъ, какъ должны были поступить по духу того времени вѣрноподанные слуги своего Государя. Хотя подобный образъ дѣйствія не достигаетъ желаемыхъ результатовъ—гонца приводятъ къ Борису и грамота переписывается въ другомъ духѣ, но для насъ важно отмѣтить только самое поведеніе угличанъ. Они дѣйствуютъ въ рассказѣ „Лѣтописи“ гораздо естественнѣе, гораздо натуральнѣе, чѣмъ въ предыдущихъ историческихъ памятникахъ. Здѣсь они скорѣе походятъ на реальныхъ горожанъ, чѣмъ тамъ, гдѣ они остаются молчаливыми, не даютъ знать Государю о такомъ большомъ, крупномъ событіи. Не оставилъ безъ вниманія авторъ „Лѣтописи о мятежахъ“ и роли Василія Ивановича Шуйскаго. Крайне нелѣпымъ кажется сообщеніе „Житія царевича“, внесеннаго въ минеи Милютина, о томъ, что Шуйскій—этотъ главный слѣдователь—только плакалъ на слѣдствіи. Эту нелѣпость или, чтобы не быть рѣзкимъ, удивительную странность сглаживаетъ „Лѣтопись“, въ которой Василій Ивановичъ уже размыкаетъ уста и спрашиваетъ гражданъ о причинахъ несчастной кончины царевича и узнаетъ, что онъ погибъ отъ рукъ убійцъ. Хотя онъ и скрываетъ отъ царя Θεодора правду, но для насъ важно въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что онъ фигурируетъ на дознаніи, какъ настоящій слѣдователь, а не какъ слезоточивая старушка, какимъ онъ выводится въ „Житіи царевича“, внесенномъ въ минеи Милютина.

Шагъ впередъ дѣлаетъ „Лѣтопись о мятежахъ“ также и въ вопросѣ объ отношеніи Бориса къ Нагиму, къ угличанамъ и къ своимъ сообщникамъ послѣ злодѣянія. Оставить такой серьезный вопросъ въ сторонѣ, что наблюдалось въ ранѣе разобранныхъ памятникахъ, никоимъ образомъ не можетъ произведеніе, въ которомъ повсюду скользитъ стремленіе подшить прежнія сказанія прочными нитками правдоподобности. И надо согласиться съ тѣмъ,

что вопросъ этотъ разрѣшается авторомъ „Лѣтописи“ довольно умѣло и достаточно подробно. Нагихъ Борисъ подвергаетъ пыткамъ и, когда этимъ средствомъ не достигаетъ цѣли, разсылаетъ по тюрьмамъ; царицу Марію Θεодоровну насильно постригаетъ въ монастырь и такимъ жестокимъ образомъ раздѣлывается съ Нагими, которые могли разоблачить истину. Еще болѣе безчеловѣчія и жестокости проявляетъ Борисъ по отношенію къ угличанамъ: нѣкоторымъ отрѣзаетъ языки, другихъ казнить, иныхъ ссылаетъ и т. д. Наоборотъ, своихъ сообщниковъ Борисъ награждаетъ и жалованьемъ и вотчинами. Благодаря этой картинѣ у читателя получается болѣе полное, болѣе законченное представленіе о злодѣяннѣ Бориса. И такъ, вводя въ прежній рассказъ о смерти царевича много новыхъ подробностей, авторъ „Лѣтописи“ такъ искусно придѣлываетъ ему соотвѣтствующій конецъ, безъ котораго самый фактъ кроваваго углицкаго дѣла могъ вызывать гораздо большія сомнѣнія.

Заканчивая критическій разборъ „Лѣтописи о мятежахъ“, можно сдѣлать слѣдующее соображеніе: неизмѣнность основного сюжета, возникновеніе, въ силу необходимости, новыхъ деталей въ этомъ произведеніи, представленіе, въ силу послѣдовательности, описываемаго событія въ болѣе законченномъ видѣ, даютъ намъ возможность заключить, что „Лѣтопись о мятежахъ“ есть не что иное, какъ только особый, поступательный этапъ въ развитіи легенды о царевичѣ Дмитріи. Всѣ черты самостоятельности, которыя носятъ „Лѣтопись“, представляются ни чѣмъ инымъ, какъ только пополненіемъ тѣхъ пробѣловъ, тѣхъ недочетовъ, которые были въ раннихъ историческихъ памятникахъ. Такимъ образомъ всѣ детали этого произведенія носятъ характеръ лишь относительной самостоятельности, а это даетъ намъ право считать все это произведеніе дальнѣйшей разработкой стараго сюжета, третьимъ фазисомъ въ развитіи легенды о смерти царевича. Но на этомъ не останавливается эволюція легенды. Свой новый фазисъ она переживаетъ въ „Сказаніи о царствѣ царя Θεодора Іоанновича“, къ знакомству съ которымъ мы и перейдемъ.

Г л а в а IV.

Пространное „Сказаніе о царствѣ царя Θεодора Іоанновича“ я постараюсь изложить по возможности въ сжатомъ видѣ, поскольку, конечно, это не будетъ вредить ясности и рельефности рисуемой имъ картины Углицкой кровавой трагедіи. Подробному описанію несчастной кончины царевича Дмитрія въ „Сказаніи“ предше-

ствуется довольно искусное введеніе, которое, я думаю, для полноты впечатлѣнія необходимо ввести въ обзоръ „Сказанія“. Вотъ что сообщаетъ намъ этотъ новый историческій памятникъ: „Отпущая царевича Дмитрія съ матерью его во градъ Угличъ, Ѳеодоръ Іоанновичъ устраиваетъ имъ почетные и въ высшей степени трогательные проводы. „И простился съ ними и лобызалъ ихъ и вельми прослезился и рече брату своему: иди, свѣтъ мой, здравъ въ путь свой, чтобы мнѣ радостно впредь видѣть тебя“... Проводивъ своего меньшого брата, Ѳеодоръ Іоанновичъ самъ остается царствовать въ славномъ городѣ въ Москвѣ. Присущая ему склонность къ божественному, кротость, слабохарактерность естественно не давали ему возможности самому управлять государствомъ. Онъ нуждался въ такомъ лицѣ, которое бы за него вершило дѣла, выполняло бы всѣ существенныя функціи царя. Такимъ довѣреннымъ лицомъ онъ назначаетъ Бориса Годунова и ему вручаетъ всю полноту власти. Фактически Борисъ правилъ всѣми дѣлами въ государствѣ, а Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ царемъ только номинально. Властолюбивый Борисъ не удовлетворяется такимъ широкимъ могуществомъ, полною царской властью, онъ хочетъ получить еще царское имя. Эта мысль такъ овладѣваетъ имъ, что онъ стремится разрѣшить ее какъ только можно скорѣе. Призываетъ Борисъ къ себѣ гадателей и спрашиваетъ ихъ: быть или не быть ему царемъ? Отвѣтъ получается въ его пользу, хотя время царствованія ограничивается только семью годами. Послѣ этого Борисъ еще интенсивнѣе начинаетъ думать о царскомъ престолѣ. Но на пути къ престолу стояла весьма крупная преграда—царевичъ Дмитрій. Борисъ не останавливается и передъ этимъ—онъ рѣшаетъ покончить съ царственнымъ отрокомъ. Когда же первое средство—отрава не приводитъ къ желательному концу, Борисъ посылаетъ въ Угличъ палачей ножемъ заколотъ царевича. Эти злодѣи—Михаилъ Битяговскій, сынъ его Данилка и Никита Качаловъ привлекаютъ на свою сторону кормилицу Дарью Митякову и съ ея помощью совершаютъ кровавое преступленіе. Въ то время, когда она выводила царевича на прогулку и была съ нимъ среди лѣстницы, Мишка Битяговскій схватилъ его за ноги сквозь лѣстницу, сынъ его Данилка взялъ за голову, а Никита Качаловъ вынулъ ножъ и закололъ его. Какая-то женщина извѣстила объ этомъ несчастіи царицу Марію Ѳеодоровну, которая приходитъ на мѣсто происшествія, плачетъ и произноситъ много горькихъ словъ, изливаетъ свою материнскую скорбь: „О, горе мнѣ бѣдной и горькой вдовѣ. Возстани, милое мое чадо, и призови убойцевъ своихъ, да и меня съ тобою погубятъ. Не могу на тебя, свѣта моего, мертва зрѣти и безъ тебя жива

быти не хочу... О, злые душегубцы, чего ради мене прежде не погубили. Что онъ Вамъ, Государь, зло сотворилъ, какую неправду учинилъ сей незлобивый младенецъ и т. д.“. Вскорѣ на дворъ сбѣгаются граждане, убиваютъ сознавшихся злодѣевъ и тѣла ихъ выбрасываютъ на съѣденіе псамъ... Царица Марія Ѳеодоровна отправляетъ въ Москву пословъ съ извѣстіемъ о убіеніи своего сына, но Борисъ не допускаетъ ихъ къ царю, отсылаетъ назадъ, а самъ докладываетъ Ѳеодору Іоанновичу о несчастномъ событіи, говоря, что царевичъ закололся самъ. Потомъ авторъ „Сказанія“ повтoряетъ рассказъ прежнихъ памятниковъ о желаніи Царя пойти лично на Угличъ, объ отклоненіи сего намѣренія Борисомъ посредствомъ пожара въ Москвѣ, о снаряженіи слѣдствія. Стоитъ только замѣтить, что по этому „Сказанію“ Василій Ивановичъ Шуйскій, скрывъ сначала истину, послѣ сказывалъ ее Ѳеодору Іоанновичу, но тотъ на Господа возложи печаль свою и Борису ничто не учинилъ. Изложеніе интересной для насъ части „Сказанія о царствѣ Царя Ѳеодора Іоанновича“ можно закончить указаніемъ на рассказъ автора о томъ, что Борисъ предпринялъ отравленіе самого Царя Ѳеодора. Хотя послѣдній и зналъ будто бы о замыслѣ Бориса и даже сказалъ ему объ этомъ, Борисъ все-таки кладетъ ядъ, Царь выпиваетъ чашу, начинаетъ изнемогать и чрезъ 12 дней умираетъ ¹⁾).

Познакомившись съ содержаніемъ „Сказанія о Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ“, перейдемъ къ его критическому разбору, сравнимъ его съ предшествующими исторически памятниками.

Надо замѣтить, что суть дѣла, т. е. фактъ убіенія царевича—здѣсь остается та же, что и въ уже разобранныхъ нами источникахъ. Но самая картина, самая обстановка несчастной кончины царевича получаетъ здѣсь уже вполне законченную, округленную форму, которая однако создается въ связи съ недочетами прежнихъ памятниковъ. Если мы повнимательнѣе присмотримся къ этому произведенію, весьма детальному по изображенію фактовъ, а главное хорошо отшлифованному по способу изложенія, то найдемъ, что оно является ни чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшей, довольно остроумной, переработкой прежнихъ „Сказаній“ о смерти царевича. За это прежде всего говоритъ передаваемая почти безъ измѣненія завскаса несчастнаго событія, главная сущность печальнаго факта. Что же касается новыхъ подробностей, съ которыми мы здѣсь встрѣчаемся, то онѣ явились какъ бы необходимою для болѣе

¹⁾ Русск. Ист. Библ. XIII т. „Сказаніе о царствѣ Ц. Ѳеод. Іоаннов.“ стр. 755—789.

подходящаго по духу времени описанія событія. Народъ шагнулъ немного впередъ, и произведеніе переработалось, не измѣняя существа дѣла, приняло другую форму.

Прослѣдимъ тѣ наслоенія, которыя мы замѣчаемъ въ „Сказаніи“ о царствѣ Царя Θεодора Іоанновича по сравненію съ предшествовавшими ему источниками. Каждому, я думаю, бросилось въ глаза какой искусный, остроумный подходъ дѣлаетъ авторъ, чтобы приступить къ передачѣ самаго факта. Онъ говоритъ о трогательныхъ проходахъ царевича, настолько трогательныхъ, что Царь Θεодоръ какъ бы напередъ зналъ горькую кровавую будущность, которая ждала его меньшого брата. Авторъ далѣе говоритъ о Борисѣ правителѣ-самодержцѣ и о его гаданіяхъ. Такимъ образомъ онъ подготавливаетъ, такъ сказать, весьма благопріятную почву для сообщенія самаго факта убіенія царевича. Въ прежнихъ памятникахъ это совершенно упущено изъ виду, оставлено безъ надлежащаго вниманія. А вѣдь безъ этого и самый разсказъ о несчастной кончинѣ царевича остается какъ бы безъ головы. Итакъ, „Лѣтопись о мятежахъ“ поставила его на ноги, т. е. сообщила ему необходимый конецъ, а „Сказаніе о царствѣ Царя Θεодора Іоанновича“ снабдило его головой. Такимъ образомъ указанная крупная подробность, которую я назвалъ искуснымъ подходомъ къ самому дѣлу, вызвана была недочетомъ предшествующаго памятника. Далѣе, мы замѣчаемъ нѣкоторую новость въ описаніи самаго факта убійства. Въ „Сказаніи о царствѣ Царя Θεодора Іоанновича“ оно происходитъ посреди лѣстницы, по которой спускался царевичъ на прогулку и подъ которой укрывались злодѣи въ ожиданіи своей жертвы. Эта подробность тоже не даромъ введена авторомъ „Сказанія“. Въ прежнихъ памятникахъ остается открытымъ, неразъясненнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ могли находиться преступники предъ совершеніемъ злодѣянія? Вѣдь не могли же на самомъ дѣлѣ они стоять среди двора и дожидаться желательнаго момента. И вотъ разсматриваемое нами „Сказаніе“ обходитъ этотъ вопросъ, перенося сцену убійства со двора на лѣстницу. Здѣсь, поэтому, мнѣ думается, мы имѣемъ тоже вызванную необходимостью переработку неточности равныхъ памятниковъ.

Желая представить картину убіенія царевича во всей ея полнотѣ, авторъ „Сказанія“ выводитъ царицу Марію Θεодоровну говорящей горькія, трогательныя рѣчи. Мать, видя убитаго сына, не могла, конечно, оставаться молчаливой и уже въ „Житіи царевича“, внесенномъ въ мѣстѣ Милютина, упоминается о томъ, что она испускала многіе глаголы. И вотъ авторъ разбираемаго „Сказанія“, восполняя это неопредѣленное сообщеніе предшествовавшаго источ-

ника, приводитъ глаголы царицы, влагаеть въ ея уста вдохновенныя слова. Правда, здѣсь стремясь такой подробностью къ естественности, къ правдоподобности, онъ увлекается и хватаетъ черезъ край. У него царица произноситъ полныя глубокаго смысла, сильныя по содержанію и изящныя по формѣ рѣчи, которыя какъ бы заранѣе были обдуманы, прочувствованы и приготовлены. На самомъ дѣлѣ—въ такомъ положеніи отъ матери скорѣе всего можно ожидать безсвязныхъ, недоговоренныхъ фразъ. Но для насъ важно обратить вниманіе не на эту несообразность, а на самое намѣреніе автора переработать прежній рассказъ о смерти царевича, сообщить ему болѣе реальную фізіономію. Онъ хотѣлъ сдѣлать рассказъ болѣе опредѣленнымъ, болѣе жизненнымъ, но это ему не совсѣмъ удалось.

Съ новою подробностью встрѣчаемся мы въ „Сказаніи о царствѣ Царя Θεодора Іоанновича“, когда читаемъ, что извѣстіе о несчастной кончинѣ царевича Дмитрія принесено было въ Москву послами царицы Маріи Θεодоровны, которыхъ Борисъ отсылаетъ назадъ, а о смерти царевича передаетъ Царю Θεодору самъ—лично. Здѣсь важно отмѣтить то обстоятельство, что пословъ посылаетъ сама царица, о чемъ не говорится въ болѣе раннихъ памятникахъ. Мнѣ кажется, что, вводя эту деталь, авторъ „Сказанія“ хотѣлъ стать ближе къ жизни, изобразить роль царицы по возможности ближе къ дѣйствительности. Мать, конечно, прежде всѣхъ должна была распорядиться относительно разъясненія несчастнаго факта, должна была принять соотвѣтствующія къ тому мѣры. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи видно намѣреніе автора пополнить сообщенія прежнихъ историческихъ памятниковъ.

Необходимо еще остановиться на небезинтересной детали въ роли главнаго слѣдователя—Василія Ивановича Шуйскаго. Мы уже знаемъ, что послѣдній, по разбираемому сказанію, открываетъ въ послѣдствіи Царю Θεодору истину о кровавомъ событіи, но тотъ не выводитъ преступленія на чистую воду. Нетрудно уловить и здѣсь стремленіе автора довести до конца роль Шуйскаго, сдѣлать ее болѣе правдоподобной. Съ жизненной, реальной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія тогдашнихъ раздоровъ, несогласій въ боярствѣ, почти невозможно согласиться съ тѣмъ, что Шуйскій, человекъ враждебной Борису партіи, скрылъ истину. Авторъ „Сказанія“ замѣтилъ эту ненатуральность въ ранѣе существовавшемъ рассказѣ и счелъ нужнымъ внести необходимую поправку.

Если ко всему сказанному прибавимъ еще изображаемую авторомъ „Сказанія“ преступность Бориса въ отравленіи Царя Θεодора, то будетъ исчерпано все новое въ этомъ памятникѣ. Откуда по-

является этотъ разсказъ объ отравленіи царя Θεодора и что хотѣлъ имъ сказать авторъ? Очевидно задавшись цѣлью представить въ законченномъ и правдоподобномъ видѣ всю картину кровавой трагедіи, онъ хочетъ закрѣпить преступность Бориса, заклеить его дальнѣйшимъ ея развитіемъ, покончивъ съ Дмитріемъ, онъ отравляетъ Царя Θεодора. Что же можетъ быть убѣдительнѣе для читателя относительно злодѣянія Бориса по отношенію къ царевичу, какъ не новое проявленіе его преступной воли? Вотъ съ какою цѣлью, по моему мнѣнію, приводится разсказъ объ отравленіи Царя Θεодора.

Изъ всего сказаннаго ясно, что „Сказаніе о царствѣ Царя Θεодора Иоанновича“ есть новая стадія въ разработкѣ сюжета о убіеніи царевича Дмитрія, новый—четвертый и послѣдній фазисъ въ развитіи легенды.

З а к л ю ч е н і е.

Прослѣдивъ процессъ развитія разсказа о смерти царевича Дмитрія, отмѣтивъ четыре опредѣленныхъ фазиса въ эволюціи сказаній по этому вопросу, установивъ такимъ образомъ между ними прочную генетическую связь, мы можемъ сдѣлать весьма важное, ретроспективное заключеніе. Если въ развитіи разсказа о кончинѣ царевича, начиная съ 1606 года наблюдаются постепенные наросты, постепенныя наслоенія въ изображеніи описываемаго событія, если они возникаютъ какъ пополненіе предшествующихъ редакцій, то почему не предположить, что и само „Сказаніе“ 1606 года, которое является первоначальнымъ ядромъ для всѣхъ послѣдующихъ—почему не предположить, что и оно явилось на свѣтъ тоже въ результатѣ переработки существующихъ ранѣе, но не дошедшихъ до насъ, памятниковъ. Быть можетъ и „Иное сказаніе“ представляетъ лишь одинъ изъ фазисовъ ранѣе существовавшаго разсказа.

Вѣдь со смерти царевича до его появленія прошло цѣлыхъ 15 лѣтъ. Трудно допустить, чтобы за этотъ періодъ времени ни слова не было сказано о такомъ важномъ, крупномъ событіи, какъ убійство царевича Дмитрія. Если и не было въ то время письменныхъ памятниковъ по этому вопросу, то безъ всякаго сомнѣнія былъ устный разсказъ, устная передача печальнаго факта. Итакъ, судя по характерному процессу развитія разсказа о кровавомъ дѣлѣ, съ нѣкоторой, довольно значительной, долей увѣренности можно говорить о существованіи письменныхъ или устныхъ сказаній о смерти

царевича и до 1606 года, результатомъ переработки которыхъ явилось „Иное сказаніе“. Распространяя и на нихъ установленный нами принципъ эволюціи, принципъ постепеннаго разростанія разсказа, мы въ концѣ концовъ, отрубая всѣ новые ростки и побѣги, можемъ такимъ путемъ дойти до самой обычной формы народной молвы.

Итакъ, самый процессъ развитія сказаній о царевичѣ Дмитріи ведетъ насъ къ наличности легендарности, сказочности и сомнительности этихъ памятниковъ и тѣмъ самымъ служитъ новымъ аргументомъ къ тому, чтобы констатировать некомпетенцію лѣтописныхъ сказаній въ рѣшеніи вопроса о кровавой Углицкой трагедіи.

В. Н. Свѣтозаровъ.

